

6. Крах государственных институтов и распад общества

Без корниловского мятежа, скажет позже Керенский, не было бы Ленина. И он был, несомненно, прав: в политическом плане мятеж резко и полностью изменил ситуацию. Кадеты, открыто поддержавшие Корнилова и ушедшие в отставку из правительства в разгар кризиса (27 августа), были дискредитированы. Керенский писал, что он испытал «глубокое разочарование», поняв, что оставлен «политической элитой нации» и что не может больше рассчитывать на ее поддержку и авторитет, которым она пользовалась у военных, чтобы создать противовес Советам и влиянию большевиков. Последние решили принять участие вместе с партиями большинства в Совете (меньшевиками и эсерами) в сопротивлении мятежу под лозунгом: «Долой Корнилова! Никакой поддержки Керенскому!», который позволил им бороться с реакцией, как того требовало общественное мнение, и заранее лишить Керенского кредита победы. Большевики были главными героями дня, так как их лидеры были выпущены из тюрьмы или смогли выйти из подполья, куда их загнали после «июльских дней». Эффективность и быстрота отпора рабочих, особенно в Петрограде, где большевики мобилизовали с помощью завкомов, районных советов и рабочей милиции около 40 тыс. человек (из которых 25 тыс. имели оружие) за несколько часов, дают основание предположить, что сплоченность руководящих инстанций и рабочей базы движения усилилась за семь недель подполья. Недостаток этой сплоченности активистов, солдат и руководителей, столь заметный во время июньских и июльских событий, похоже, был ликвидирован. Руководящие инстанции партии, по-видимому, стали лучше контролировать базу движения благодаря, в частности, контактам между Красной гвардией, заводскими комитетами, районными советами и солдатскими комитетами гарнизона.

Возрождение большевизма, считавшегося умирающим собственными лидерами (как об этом свидетельствуют ответы делегатов VI съезда партии, состоявшегося в августе, на вопросы анкеты о «состоянии здоровья» партии) и который кадеты потопропились похоронить («Большевизм умер, так сказать, скоропостижно», — гласил заголовок статьи в «Речи» от 8 июля), было на самом деле симптомом двух скрытых феноменов, гораздо более важных, чем корниловщина: радикализации масс, которым полгода спустя после Февральской революции не терпелось воспользоваться ее результатами, и краха всех созданных ею институтов.

Два месяца, отделявшие провал корниловского мятежа от взятия власти большевиками, были отмечены ускорением распада общества и государства в условиях острого экономического кризиса. В армии мятеж уничтожил последние остатки доверия к офицерам. Он показал также, в какой степени оперативные приказы могли служить прикрытием для контрреволюционных маневров. Бдительность была необходима больше, чем когда-либо. Поэтому все приказы командования анализировались, дискутировались и ставились под вопрос. В этих условиях армия перестала быть воюющей силой и инструментом подавления. Дезертирство достигло небывалого размаха. Дезертиры и солдаты-отпускники дали новый импульс крестьянскому движению. В деревне «незаконные действия» возросли многократно начиная с июля, в течение которого властями было зарегистрировано 1777 случаев откровенного насилия. С 1 сентября по 20 октября произошло 5140 «нарушений порядка» — цифра, по всей видимости, заниженная, так как власти уже утратили возможность контролировать ситуацию, но показывающая размах крестьянских волнений. С особой силой они проявились на Украине и в Белоруссии, но главным образом в пяти губерниях Централь-

ной России (Тульской, Рязанской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской), где отличались растущим ожесточением. Крестьяне теперь не довольствовались лишь одним захватом земли. Они грабили и сотнями сжигали барские имения, убивали владельцев, не успевших скрыться, захватывали инвентарь и скот, необходимые для обработки присвоенных участков, которые не собирались возвращать. В первую очередь от крестьянского насилия страдали ненавистные помещики. В районах, где образовался немногочисленный слой богатых крестьян, вышедших из общины благодаря столыпинской реформе, крестьянское движение, чаще всего объединявшее крестьян-общинников, повернулось и против «кулаков», вынужденных возвращать в «общий котел» земли, которые были сочтены общиной «излишками» по отношению к уравнительной норме, основанной на «числе едоков».

На поднимающуюся волну аграрных беспорядков Временное правительство попыталось ответить так, как это сделала бы любая государственная власть. Церетели, Пешехонов, Чернов (несмотря на то что двое последних, будучи «духовными наследниками» народников, считались близкими к мужикам) осудили «незаконный захват земли», напомнив, что только Учредительное собрание имеет право решать земельный вопрос. Однако их уговоры не принесли результатов. В деревни были направлены войска. Но солдаты часто отказывались стрелять в своих «братьев крестьян». В сентябре — октябре около 40 из 200 случаев применения войск закончились актами неповиновения. Простое сравнение цифр — 5140 «нарушений порядка», 200 случаев применения войск для подавления этих беспорядков и 40 случаев неповиновения — веское доказательство бессилия государства, захлестнутого событиями. Большевики были единственными, кто подталкивал крестьян к захвату помещичьих земель. Однако распространение аграрных беспорядков было все-таки в основном стихийным движением, продолжением крестьянских движений предыдущих лет. Благодаря бездеятельности власти оно достигло небывалого размаха, но изменилась ли от этого его природа? Скорее всего, нет, как об этом свидетельствует его направленность, не только традиционно уравнительная и антипомещичья, но и антигородская. Крестьяне, веками испытывавшие недоверие к городу, отказались от опеки и вмешательства аграрных комитетов и комитетов по снабжению, навязанных сверху и в большинстве своем не крестьянских, и признавали авторитет только своих собственных комитетов. Лишь местные эсеровские активисты имели шансы повлиять в политическом плане на действия крестьянства — при условии, что оно причислит их к «максималистам» (их действительная принадлежность к большевикам, анархистам или эсерам мало кого интересовала), о которых крестьяне знали одно — что они не пойдут против их чаяний.

Не оставались в стороне и рабочие. Циркуляр меньшевистского министра труда Скобелева (28 августа), запретивший собрания на предприятиях в рабочее время, был воспринят как настоящее объявление войны правительством рабочему классу. Большевики тут же разоблачили сделку между «Скобелевым и К^о» и предпринимателями. Последние использовали этот циркуляр для восстановления своих «прав» на предприятиях, ограничив полномочия заводских комитетов и уволив «зачинщиков» беспорядков. Предприниматели все чаще прибегали к локаутам, переводу заводов из «неспокойных» центров (Петроград, Москва, Харьков, Одесса и др.) в более «тихие» районы.

В сентябре — октябре сотни предприятий были остановлены под предлогом трудностей в снабжении, снижения производительности труда рабочих, забастовок и беспорядков. Десятки тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу. В этих условиях снизилась активность выступлений; в сентябре — октябре количество забастовок уменьшилось по сравнению с маем, но они отличались большей агрессивностью (значительно увеличилось число незаконных арестов предпринимателей), большим радикализмом и были более политизированы; забастовщики часто требовали установления рабочего контроля за производством (особенно если предприятие должно было вот-вот закрыться) и все чаще — отставки правительства, перехода всей власти Советам.

Локауты, сознательный экономический саботаж со стороны некоторых предпринимателей и забастовки (которые вели к значительному снижению производительности труда) окончательно дезорганизовали функционирование производственной си-

стемы. Общий застой экономики из-за трудностей ее переориентации на военные нужды привел к дезорганизации работы транспорта, особенно железнодорожного: в рабочем состоянии оставалось не более двух третей вагонного и локомотивного парка, что делало невозможными нормальное снабжение промышленности и регулярную доставку продовольствия населению. Например, поставки Путиловским заводам в сентябре едва достигали 4% их потребностей, а подвоз зерна в Петроград составил только 45% продовольственных нужд города. В результате норма выдачи хлеба работникам физического труда уменьшилась за лето на 50%. С июля в городе была введена карточная система и на другие основные виды продовольствия (сахар, мясо, яйца, жиры). Их нехватка вызвала рост цен, которые в среднем утроились с июля по октябрь. Российская экономика потерпела крушение задолго до октября 1917 г.

Параллельно с развалом экономики ширились и радикализировались национальные движения. По инициативе Рады Украины в конце августа в Киеве состоялся Съезд национальностей. На нем присутствовали делегаты от тринадцати национальных меньшинств и полутора десятков социалистических партий, которые попытались определить принципы национальной политики в бывшей империи. Заключительная резолюция признавала право всех народов на самоопределение и высказывалась за выборы не одного Учредительного собрания, где доминировали бы русские, а учредительных собраний, количество которых соответствовало бы числу национальных общин в стране. Каждое из них принимало бы решения о целесообразности отделения или о характере отношений с федерацией, которая заменит империю. Радикализация национального движения вынудила правительство принять срочные меры: были арестованы многие сторонники независимости Финляндии, которые добились принятия Сеймом 5 июля законопроекта о суверенитете Финляндии; пересмотрено соглашение с Украинской Радой от 3 июля (Генеральный секретариат стал административным органом, подчиненным Петрограду, а идея создания Учредительного собрания Украины была категорически отвергнута). Это привело к росту инцидентов между русскими и украинцами. К октябрю разрыв между Петроградом и Киевом завершился. Правительство применило меры подавления и против крымских татар: за призывы против участия солдат-мусульман в войне с турками был арестован муфтий. В Средней Азии политика правительства не порвала с «колониальной» традицией, игнорируя национальные устремления мусульман: их раскол, ставший явным уже в Казани (май 1917 г.), облегчил задачу правительству и укрепил его убежденность в том, что ислам не более чем второстепенная сила, которая не может обойтись без русской опеки.

В условиях крушения традиционных институтов и усиления недовольства различных категорий населения Керенский, провозгласив 1 сентября республику («чтобы дать моральное удовлетворение общественному мнению»), постарался укрепить законность своего положения созданием новых институтов: Демократического совещания, а затем Совета республики. Первое, аналогичное по своему составу Государственному совещанию, созданному в августе (делегаты кооперативов, земств, муниципалитетов составляли там большинство), должно было принять в сентябре два важных решения: исключить или оставить в правительственной коалиции буржуазные партии; определить характер Совета республики. Участие буржуазии в третьем коалиционном правительстве (окончательно сформированном 26 сентября) было одобрено незначительным большинством голосов после голосования и подачи поправок, вызвавших многочисленные споры. Исключив «партии, скомпрометировавшие себя в деле Корнилова», Совещание согласилось на участие в правительстве в индивидуальном порядке деятелей, принадлежавших к кадетской партии, позволив Керенскому, заботившемуся о поддержке «политической элиты нации», ввести в свой кабинет Коновалова, Кишкина и Третьякова. Большевики, посчитав это провокацией, заявили, что только II Всероссийский съезд Советов, назначенный на 20 октября, будет иметь право сформировать «подлинное правительство». Демократическое совещание одобрило также принцип представительства цензовых классов в будущем Временном Совете республики. Керенский и Церетели выработали нормы представительства различных учреждений, которые будут заседать в этом «предпарламенте». Эти нормы поставили в недопустимо невыгодное положение Советы (где соотношение сил как раз менялось в пользу большевиков) по отношению к представителям «демократии» и

цензовых классов. Видя успехи «большевизации», «демократия» снова сместилась вправо.

6 октября Керенский открыл сессию Временного Совета республики. Он заявил об ответственности своего правительства перед этим главным институтом республики и изложил свою программу: защитить страну, восстановить военный потенциал, выработать вместе с союзниками условия прочного мира. От имени большевистской фракции Троцкий разразился филиппикой в адрес Временного Совета республики, который он охарактеризовал как новое издание булыгинской Думы, и правительства, которое по приказам кадетских контрреволюционеров и империалистов безосновательно продолжает эту опустошительную войну и готовит сдачу Петрограда и поражение революции. После окончания его речи 53 депутата-большевика покинули зал. Их уход стал первым актом Октябрьской революции.

Поведение большевиков отчасти диктовалось их недавними успехами, выражавшимися как в плане представительства, в завоевании некоторых институтов власти, так и в более общем смысле, в массовом принятии широкими слоями общества того или иного большевистского лозунга, что, впрочем, никак не означало прямого присоединения к партии большевиков как политической силе.

31 августа большевистская резолюция, призывавшая к созданию правительства без буржуазии, впервые получила большинство в Петроградском Совете. 9 сентября Исполком Петроградского Совета, в котором преобладали эсеры и меньшевики, оказался в меньшинстве; Троцкий был избран председателем Совета. Из столицы это движение распространилось на Москву, Киев, Саратов. В сентябре уже более 50 Советов приняли резолюции о передаче всей власти Советам. К тому же большевики завоевали прочные позиции в некоторых народных организациях, таких, как Советы фабрично-заводских и районных комитетов в Петрограде. Объединенные в Межрайонное совещание, эти комитеты сыграли решающую роль во время попытки корниловского мятежа благодаря своим вооруженным дружинам. Когда правительство потребовало разоружения Красной гвардии, комитеты еще более радикализировались и присоединились к Петроградскому Совету, в котором отныне заправляли большевики. Оба эти органа, располагавшие сетью освобожденных активистов, начали тесно сотрудничать и вместе заседали в Смольном.

В более общей форме большевистские идеи внедрялись в армию и рабочую среду. Солдаты тыла приняли большевистские лозунги, понимая, что только политика «мира любой ценой» спасет их от отправки на передовую. В действующей армии провал наступления и корниловского мятежа ускорили большевизацию. Солдаты выбирали среди большевистских лозунгов те, которые им подходили: «Немедленное заключение мира!», «Вся власть Советам!» — и др. В рабочих кругах, кроме железнодорожников, оставшихся верными меньшевикам, идеи рабочего контроля встречали широкий отклик. На II конференции фабрично-заводских комитетов преобладавшие там большевики без труда добились принятия нужных резолюций. Что же касается крестьян, то они доверяли лишь «максималистам», не догадываясь, что те играют на руку большевикам. Радикализация и постепенная большевизация широких слоев общества, разочарованных политикой правительства и «демократии», щедро раздававших обещания и не прекращавших призывать к терпению в ожидании созыва Учредительного собрания, контрастировали с малочисленностью партии большевиков, насчитывавшей примерно 200 тыс. членов. Но в условиях организационного вакуума осени 1917 г., когда государственная власть уступила место соцветию комитетов, советов и совещаний, оспаривавших друг у друга крохи власти и законности, было достаточно энергичных действий одной группы, пусть даже малочисленной, но организованной и решительной, чтобы авторитет ее немедленно вырос до размеров, несопоставимых с ее реальной силой.